

номъ воображаемомъ королевствѣ, въ Фрошдорфѣ, онъ держался строго-консервативной политики и не встрѣчалъ противъ нея никакой оппозиціи; онъ рѣдко мѣнялъ довѣренныхъ лицъ и избѣгалъ кризисовъ въ этомъ отношеніи. Въ нерѣшимости выйти изъ этой спокойной созерцательной роли можно видѣть нѣкоторый оттѣнокъ Гамлетовской философіи; можно также видѣть въ этомъ высшее пониманіе задачъ конституціоннаго короля въ такой странѣ, какъ Франція. Французы съ своей стороны ничего не имѣютъ противъ Генриха V; они даже признательны ему за рыцарское поведеніе во время монархической кампаніи, предпринятой въ 1873 году герцогомъ де-Броули и неудачно повторенной имъ же два года спустя. Гамбетта отзывался съ уваженіемъ о прямотѣ короля, разстроившемъ самоувѣренные планы клерикаловъ. И очень можетъ быть, что самъ графъ Шамборъ въ глубинѣ души доволенъ своею судьбою и не жалуется о томъ, что ему не привелось промѣнять свое эфемерное царствованіе на настоящее, дѣйствительное.

Проникнуты ли такую же философію принцы Орлеанскаго дома? Графъ Парижскій не имѣлъ еще случая высказаться въ этомъ смыслѣ; до сихъ поръ онъ скромно работалъ въ литературѣ, помѣщалъ статьи въ „Revue des deux Mondes“, издалъ книгу о положеніи рабочихъ въ Англіи и продолжаетъ трудиться надъ исторіею междоусобной войны въ сѣверной Америкѣ. Самый характеръ этихъ занятій долженъ расположить принца къ признанію того, что Шамборъ правъ. Дѣтство графа Парижскаго окружено такими же катастрофами, какъ и юные годы Шамбора. Оба они только до десятилѣтняго возраста находились въ положеніи „королевскихъ высочествъ“; у обоихъ отцы погибли очень рано отъ несчастныхъ случайностей; оба провели большую часть жизни вдали отъ родины, оставивъ за собою во Франціи одинъ — іюльскую революцію, другой — февральскую. Но, стоя ближе къ современности, графъ Парижскій подвергается и болѣе сильнымъ искушеніямъ; червь честолюбія питается въ немъ возможностью поддержки или сочувствія со стороны вліятельныхъ слоевъ французскаго общества. Значительная часть консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ все еще обнаруживаетъ страхъ предъ проявленіями свободы, легко теряетъ самообладаніе при малѣйшемъ уличномъ безпорядкѣ и готова измѣнить республикѣ изъ боязни радикализма или социализма. Графъ Парижскій можетъ увлечься надеждою сыграть лишній разъ роль „спасителя общества“ и повторить въ маленькихъ размѣрахъ исторію своего дѣда; но вѣра въ чудесное спасеніе народовъ отъ назрѣвшихъ социальныхъ золъ имѣетъ теперь мало адептовъ, а потребность властной и сильной руки удовлетворяется какимъ-нибудь Гамбеттою гораздо скорѣе и проще, чѣмъ воцареніемъ